

18+

Захар Ковалёв

Человек

Захар Ковалёв

Челове́йник

«Издательские решения»

Ковалёв З.

Человек / З. Ковалёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-628724-2

Перед вами новая русская классика, что в будущем будет греть сердца наших внуков. Эта книга заслуживает самых высоких наград за невероятно интересный сюжет вкупе с идеей, которую читателям предлагает автор. Произведение понравится любому любителю осмысленной литературы. Именно здесь будут отсылки на Божественную комедию Данте, тут будут подниматься вопросы религии и сути человеческого бытия в целом. Сможете ли вы понять, насколько красива концовка произведения и как глубока идея?

ISBN 978-5-00-628724-2

© Ковалёв З.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава 1. «Ад»	6
Глава 2. «Книга»	10
Глава 3. «Ледяные губы»	13
Глава 4. «Важная встреча»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Человек

Захар Ковалёв

© Захар Ковалёв, 2024

ISBN 978-5-0062-8724-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧЕЛОВЕК.

Аннотация:

Современный мир полон различных технологий, погружающих нас в пустоту. В этой пустоте мы подобно роботам двигаемся в небытие. Человек стал забывать о своих истоках. Мы совсем утратили любую веру, став чёрствыми жителями Земного шара.

Моё произведение «человек» задаст множество вопросов читателю и поставит его перед неудобным фактом. Возможно, чья-то жизнь изменится на «до» и «после», когда книга будет полностью прочитана. Именно здесь будет поднят вопрос о религии, о любви, дружбе и мире, в котором мы с вами живём.

История рассказывает о бездомном, от которого по неведанным для него причинам отвернулись. Его характер невыносимо скверный. Сам он соткан из зла и ненависти к людям. Он надменно глядит за окружающими и считает себя великим, поскольку выбрал путь аскета. Верующий в Бога проживает жизнь несчастного пьяницы и считает себя выше всех людей, живущих в его воображаемом «человеке».

Позже выясняется, что этот самый бездомный раньше был совершенно другим человеком. Его изменили обстоятельства. Стоит ему встретить то, что в наше время встречается так редко, как вдруг ему невыносимо хочется изменить свою жизнь. Потом я вожу читателей по миру, где показываю, как людьми правят их пороки. Город погружается глубоко во мрак, поглощая весь свет. Оказывается, рациональная причина всех бед есть...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. «Ад»

От толпы людей на кассе шёл очень неприятный для ушей гул. В основном напротив рыжей кассирши стояли деловые пенсионерки или седоволосые пенсионеры, покупающие билеты на следующий рейс. Конечно, им ведь есть куда ехать, в отличие от меня...

В будущем мне наверняка поможет господь, коль есть хоть какая-то справедливость в этом мире. Я давно уже перестал уповать на помощь жадных людей. Совсем уже зажрались сволочи в дешёвой одежде. Они даже поедают горячие пирожки с такой угрюмой рожей, что я не против в неё плюнуть. До дома им дотерпеть нельзя, нужно обязательно жрать у меня на глазах... Они даже не понимают, что мне гораздо нужнее еда. А ещё лучше, если они дадут мне побольше денег. Всё в нашей чёртовой стране капиталистов решается деньгами!

Впрочем, голова на плечах у меня имеется. Я придумал замечательный способ экономить водку – просто не делить её с Володькой. А ещё лучше прятать свою бутылку в зачанку, а самому пить его беленькую, жалуясь на нездоровье. Этому старому хрычу всё время помогают люди, ибо жалеют его, а не меня. «Гораздо проще жить, – говорил ему я, – когда ног у тебя нету. Во-первых, не нужно покупать обувь, можно просто закутаться под тёплое одеяло; во-вторых, со спокойной душой люди кидают в твоей стаканчик мелочь, а иногда даже кладут бумажку».

Володька специально трясёт стаканчиком, чтобы его ещё сильнее жалели. Мне он вешает лапшу на уши, что у него организм очень чувствителен к низким температурам, поэтому он всегда мёрзнет, стоя около магазина. Какой же бред несёт этот дряхлый алкаш! Поскорее бы туберкулёз забрал его в преисподнюю – тогда все его пожитки достанутся мне.

А ещё пусть Господь заберёт пенсионеров, что так косо смотрят на меня. Вот продавщица выпечки из посёлка неподалёку нарочно стоит на ногах, не присаживаясь рядом со мной из принципа.

– В ногах правды нет, – говорю я ей и двигаю к окну. – Садитесь, Нина Петровна.

Женщина с широкой костью годов пятидесяти кинула на меня презрительный взгляд и отвернулась. Больше на меня она внимания не обращала, хотя раньше за то, что я молился за её внука, она угощала меня своими плюшками с творогом. Я постоянно молил Бога о том, чтобы тот дал ему здоровья и сил. Однажды, она предложила мне помочь починить лампочки в его квартире. Я сказал, что такой вариант не для меня. Позже ей пришла в голову мысль устроить меня на работу. «Не хрен, – ответил ей я, – за копейки горбатиться. Вон, для этого молодёжь есть». На это она покачала головой, прекратила со мной обсуждать жизнь, но продолжала угощать меня плюшками, за что я читал вслух молитвы за её внука.

Нина Петровна чуть не убила меня, услышав вместо молитв проклятья своего дорожайшего внука. Тогда я был пьяный, а у неё не было лишних пирожков. Сквозь её большие очки виднелись капли слёз. Конечно, я спросил почему она плачет, на что она ответила мне, что сына перевезли в реанимацию и он в очень плохом состоянии. Говорила, нужны большие деньги за его лечение, поэтому она стала ещё больше работать. А я прекрасно заметил, что сумки у немолодой женщины увеличились в размерах. Теперь за собой она тянет больше пищевых контейнеров и свёрточки с выпечкой. А для меня она пожалела.

Вся станция слышала мой крик, а потом её истерику, в которой та колотила меня сумкой. Кое-кто хотел вызвать полицию, но я успел смыться до приезда легавых. Какое-то время мне пришлось отбывать на заброшенной пристройке вместе с мужиками, которые требовали делиться водкой. Эта старая карга не поделилась со мной едой, потому что она пожалела для меня. Господь обязательно накажет её, забрав внука к себе. Думает, что деньгами, она сможет

спасти его. Жаль, что церковь у меня не осталось времени посещать, но ничего! Господь-Бог всегда слышит голос детей его. Я читаю молитву по утрам и вечерам, благодарю за хлеб и кров, когда таковые имеются. Жалею я и о том, что продал последнюю икону.

Помню тот день, когда приятная эйфория от выпитого алкоголя охватила не только тело, но и разум, я уснул прямо на асфальте, опираясь на бетонную стену. Лицо моё было закрыто капюшоном и сознание моё начало проясняться лишь когда ветер стал ласкать моё лицо, обжигая своим холодом даже сквозь мою бородку.

Чтобы не обмочиться, я едва сдерживал мочевой пузырь. Пожалуй, больше чем сходить по-маленькому, мне хотелось влить в себя то, что поможет мне протрезветь. Наделать в штаны – не впервые для меня; чувство похмелья – также. Все мои мышцы обхватила сильная судорога. Губы мои онемели от обезвоживания, их начало сводить неприятным спазмом. Я мог только стонать и умолять редких прохожих дать немного денег или воды.

Я уже лежал на асфальте, умирая от сухости во рту. От головной боли я закрыл глаза и стал пытаться массировать себе вески, но руки не слушались, ибо ооченели от мороза.

– Мужчина, – послышался откуда-то голос. – С вами всё нормально? Может вызвать скорую?

Всё ли нормально со мной? Мне сорок шесть лет, а Бог меня не любит, хотя я сам преданный его сын. Всё, что я имел было отдано Господу под ноги. А ты, ничтожество, спрашиваешь, всё ли со мной в порядке? Я попытался жестами ему выразить своё желание, но получилось какой-то глупо. Сдавлив горло двумя руками, я прошипел, подобно змее:

– Пи-и-ить... Похмелиться дай...

В моей иконе Божьей Матери лежала заговорённая трава. Я носил эту икону даже когда от неё оторвалась серебряная цепочка. Он сказал, что купит у меня её и я в тот момент охотно согласился. Нет, я не предал своего Бога, а наоборот, сохранил жизнь его сыну. Наверное, за это Господь одарил меня деньгами. Заплатил этот тупой идиот довольно много, хотя мог просто кинуть меня. Я даже не выставлял ему цену, но тот положил мне в карман добротную сумму рублей и купил мне пирожок. Сейчас я не помню, но тот придурок, кажется, попросил меня перестать пить алкоголь. Если бы силы не покинули меня – я послал бы его на три буквы, но не смог собраться.

Кое-как мне пришлось добраться до магазина, чтобы купить пива и закуски. Бог даёт мне и впрямь тяжёлые испытания, но приходится бороться. Вот таких балбесов, как тот прохожий, Господь наказывает. Он заплатил за икону больше, чем она стоила, хотя мог со спокойной душой тихо свалить прочь, забрав эту икону, как я забрал у Володи одно из одеял, которыми этот инвалид укрывал оставшиеся бёдра. У него этих чёртовых пледов целая куча, а мне под чем спать?

Мне часто снится, как я со своим отцом сижу на кухне и ем жаренную картошку вместе с ним. Папа всегда мне рассказывал о том каким должен быть настоящий мужчина. В юности я всегда верил в его сказки, но на деле оказывается, жить проще, если просто веришь в Бога. Господь всегда отблагодарит тебя и даст всё, что ты захочешь. Я это понял, когда заблудился в пять лет во время прогулки по лесу с друзьями.

На велосипеде ездить я не умел, поэтому мне приходилось сидеть на заднем сиденье своего друга. Мы приехали в центр лесного массива, чтобы там развести костёр и поиграть в героев. Получилось так, что я сильно заигрался. Мои товарищи забыли про меня и уехали. В тот момент я впервые прочитал молитву и вернулся оттуда целым и невредимым очень быстро. Даже бродячая собака меня не тронула, поскольку благодаря Богу, я закидал её палками и камнями.

Добрый быть невыгодно и глупо. Зачем мне раздавать деньги налево и направо, когда мне они

самому нужны? Иногда ко мне приходит разочарование и мне кажется, что бог оставил меня... Мне становится больно, ведь я думаю, что все мои поступки вовсе неверны. Господь несправедливо по отношению ко мне. Всем людям так хорошо живётся, потому что они он к ним благосклонен, а ко мне вовсе нет.

Уже восемь лет мне приходится заниматься бродячей жизнью. От меня отвернулись все, называя меня мерзким и гадким человеком. За что? Я просто служу Богу, воздаю ему каждый день дары и читаю молитвы. У грешных людей есть всё, потому что своими пороками они льстят дьяволу. Тот отплачивает им своей монетой, но я-то знаю, что всё в конце концов окупится. Бог вознаградит меня за свои труды. Скоро придёт момент...

Нина Петровна больше не обращала на меня никакого внимания. Однажды я плюнул в её пакет, когда она временно отошла. Естественно, старая карга так и не села мной, а молча пошла к своему автобусу. Чтоб она...

Другие люди брезгают заводить со мной общение. Лишь бездомные и алкоголи рады меня видеть. Володька куда-то пропал – уже шестой день не навещает меня. Скорее всего заработал столько бабла с помощью своего стаканчика. Неблагодарный чёрт не верит в бога. Я хотел дать ему в морду, когда тот мне загонял о своём атеизме, но он разбил мне о голову бутылку с самогоном. Теперь на моём лбу зияет огромная рана, обожжённая спиртом. От помощи я отказался, ведь есть же Бог на небе. Его милость мне поможет.

Каждый день похож на предыдущий. Я надеялся на Его милость каждый час. Иногда Господь действительно помогал мне, но все его маленькие подачки были крайне незначительны. Я просто существовал вне «человекника». Это смешное слово – «человекник» приходит мне на ум, когда я вижу переполненный общественный транспорт, шоссе, где беспрерывно колесят автомобили. Резиновые покрышки царапают асфальтовое покрытие, а люди все летят и летят сами не знают куда, позабыв о своём призвании с высока.

Наблюдая за этим, мне иногда становится смешно, и люди думают, что ненормальный. Уж свойственно большинству ненавидеть тех, кто один. Благо со мной есть Бог и не все питают ко мне чистую ненависть. Я чаще всего отвечаю людям такой же монетой.

Каждый день мне приходится скитаться по городу в поисках еды или места сна. Порой я нахожу действительно прекрасные по моим меркам условия. Самое лучшее место – автовокзал, откуда уезжают автобусы. Это место постоянно переполнено нервными людьми, на лицах которых ярко выражена тоска. Отчего же те, кто столько много имеет такие печальные? Неужто Господь так мало даровал этим несчастным? Как же мне тяжело жить в мире, где совершенно не ценят подарки всевышнего.

Одним воскресным утром я ёжился от холода, сидя на скамье. На меня постоянно надета чёрная пыльная куртка и свитер с тёплой майкой под ней. Тёплый зимние брюки я выиграл в карты у моего знакомого, который порой соглашается на подработку где-то.

На меня странно долго глядел толстый мужчина в кожаной куртке, будто начинал узнавать меня. Своих соседей и старых знакомых я помню очень хорошо. Практически все отвернулись от меня неизвестно по какой причине. Возможно, им досаждают тот факт, что кто-то чище душой, чем они.

Когда толстяк сел рядом со мной, я почувствовал запах пота вкупе с дешёвыми духами. В этом южном городе всё пахло чем-то дешёвым: дезодорантом, шампунем, едой, даже паром, которые производили машины; должно быть их заправляли самым недорогим бензином. Сигареты – единственное, на что люди не жалели деньги. А курили тут все. Тех, кто не курил и презирал это дело, били за вон-тем углом. Им только повод дай для драки – и на тебя набросится вся толпа. Просто соответствуй нормам и всё будет хорошо.

– Косолапый, ты? – С беззубой улыбкой спросил я. Карис уже давно поел мои зубы, они стали жёлто-коричневыми со временем. – Я думал, ты в Горячий Ключ уехал...

Мишка Косолапый – мой одноклассник, с которым мы провели за одной партой почти четыре года. В пятом классе, он перевёлся в нашу школу. С ним мы чего только не делали. Сейчас на его лице радостная улыбка медленно сходит на нет.

– Да, я, Димка, – ответил он. – Сильно ты поменялся...

– Ты тоже, Косолапый.

От алкоголя мой голос охрип. Под глазами появились небольшие красные следы. Блондинистая борода на моём лице приобрела чуть более тёмный оттенок. Волосы же на голове у меня остались короткими. Из-за больших залысин я не снимаю шапку.

Должно быть Косолапый удивлён видеть своего друга в таком виде. Мы неоднократно с ним учувствовали в детских драках с «Б» классом. При этом мы оба учились хорошо, мечтали поступить в институт и даже влюблены в одну девушку были. На той девушке я был женат, но она предала меня в момент, кога мне была нужна поддержка. Уже восемь лет не видел я её. Что с ней стало, интересно?

В девятом классе Миша с родней переехал жить в Горячий Ключ, а я после выпускного женился на Машки Токаревой и переехал учиться в Севастополь. Восемь лет назад я понял своё высшее предназначение. Благо с этим мне помогла Токарева. Всё, что было у меня, я отдал Богу.

– У тебя случилось что-то, Дим? – Забеспокоился Косолапый. – Ты на бомжа похож. Что с Машкой-то?

– Хорошо всё у меня, – мои глаза направились на бесконечно стальное небо, где перистые облака загонял в плен сильный ветер. – Уходи, Миша. Долго тебе объяснять, да и не поймёшь ты меня.

– Тебе помочь чем-нибудь?

– Бог мне поможет.

Я ушёл от него. Хотел я этой встречи? Безусловно, нет. Миша, с которым мы так долго дружили стал простым обывателем, которого не беспокоит ничего. Он сам идёт против воли Господней. Конечно, тот поставит ему палки в колёса, если есть хоть какая-то справедливость. Не буду я объяснять ему свои идеи.

Мой путь лежал против ветра, как и всегда. Моя жизнь идёт напротив сильнейшего вихря, но скоро будет штиль. Не может быть такого, что милость его не снизойдёт. Скоро будет рай на Земле, когда солнце, звёзды и луна сойдутся вокруг одного – верного Богу, кто вышел из человекника, показав настоящую верность и силу.

Встреча с одноклассниками оставила след в моей памяти надолго. Я вспомнил Машу Токареву и почему-то мне захотелось навестить её, но вот незадача – я не знаю где она. Обыскать весь город ради встречи с бывшей женой, которая меня ненавидит, как и весь человекник... Не самая лучшая идея. Пожалуй, я займусь этим делом чуть позже, но сейчас идея с поисками первой красавицей в классе – словно свет посреди бесконечного океана, через который я уже восемь лет иду по звёздной тропе. В конце дороги меня будет ждать реинкарнация или более счастливая жизнь.

Весь смысл человеческого бытия заключается вот в чем: заработай всё сам, а потом положи к ногам Бога, забери монету от него, что ещё лучше, чем «всё», но для этого ты должен стать жуком в муравейнике. Если весь мир, вся жизненная структура – человекник, то кто я? Я тень среди текущей жизни.

У многих здесь мёртвая душа, но однажды я встретил живую...

Глава 2. «Книга»

Это был ужасный день, когда на вокзале мне не встретился никто, кто раньше мог дать мне мелочь на пропитание. Пить водку без закуски тяжело, да и печень начинает мучаться в агониях изжоги, когда принимаешь спирт на голодный желудок. Конечно, Господь мне не даст умереть, ибо у него один верный сын. Я по привычке начинаю обыскивать себя в поисках иконки с заговорённой травой. В уме только мысль о еде и головная боль, в которой всё кажется тошнотворным. Даже вышедшее солнце никак не разрезает узор серости города, ибо ей полны люди.

Кассирша Ксения Тарасовна была в диком напряжении. Она взорвалась в тот момент, когда какая-то старуха с попугаем в клетке подняла крик, от которого я вздрогнул, а потом разразился в тихом смехе.

– А ну-ка! Позовите мне вашего администратора! Я буду писать заявление! – Старуха с попугаем стукнула по прилавку кассы своей тяжёлой рукой.

– Женщина, успокойтесь пока я не позвала охрану! – Встала кассирша, чтобы быть одним ростом с нападающей. – Я же сказала, компьютер не работает! Подождите ещё пятнадцать минут.

Когда всё пропиталось здесь нестерпимым негативом, я пошёл отсюда прочь. Автовокзал – невыносимое место, где люди подобно зверям набрасываются друг на друга. Раньше я питал любовь к толпе, а сейчас я презираю всех их и готов вечно проклинать их.

Грешен ли я? Конечно, это так. Но я в отличии от других людей не прячу себя, свои эмоции и проклятья. Они ненавидят друг друга, но молчат, а я говорю им это в лицо и лгу. Так грешен ли я больше, чем они? Не могу же я заставить себя закрыть рот. Не для этого мной был покинут человек и простой мир.

Сухость во рту доходила до невыносимости. Мои кости едва не превратились в песок, что с каждым неправильным движением должен издавать звуки внутри объятий плоти и грязной волосатой кожей. Я не мылся уже больше трёх месяцев, но это ничего. Бывало и такое, что я годами ходил грязным. Благо вдали от города есть неплохой пруд, куда я ныряю с головой.

Что самое странное: вонь от меня не такая жуткая, какую можно представить. Не знаю почему, но не все люди сразу воротят от меня нос. Валера как-то сказал, что я пахну землёй, которую тщательно пропитали человеческим потом. Пожалуй, пот – единственное, что во мне осталось человеческого.

И тут я увидел замечательную картину, вызвавшая во мне непонятные эмоции. Длинные черви странных желаний начали копошиться у меня где-то под грудной клеткой и под рёбрами.

Представший передо мной мальчишка сжимал в своих коротких длинных пальцах приличного размера книгу. В обычные дни на вокзале подобного не встретить, но сегодняшний день был особенным.

В мою не самую здоровую голову часто приходили странные желания, вызывавшие краску следа на моём лице. Обычно ими были простые глупые мысли, что попадают в голову человека совсем внезапно. Потом он долго не может от них избавиться и вообще понять не может с чего вдруг в его голове рождаются такие сумбурные идеи. Чаще всего под собой такие планирования будущего подразумевают собой нелепые действия.

У меня возникло желание отобрать у мальчишки книжку, но... Зачем мне она? Я продал свою икону, будучи сильно пьяным, лишь бы облегчить своё состояние. Безусловно, к людям я отношусь ужасно, а это творение писал никто иной как человек! Не животное же в самом деле!

У животного разума нет, но та тварь от человека имеет несильно много отличий, как и от меня. У животных нету веры, как и у некоторых людей. Получается, те, кто теряют веру становятся ближе к своему зверскому началу? Такие мысли не часто посещают меня, но сегодня

меня прям-таки пробивает думать о возвышенных вещах. Впрочем, мне хочется даже гадать с чего вдруг парень с книгой так мне пригляделся. Во всяком случае, тогда я не мог это объяснить даже самому себе, а тут придётся объяснять ещё кому-то.

Во-первых, в годы отрочества у меня были тёплые отношения с литературой и русским языком. Конечно, сейчас я безграмотный, ибо алкоголь и постоянный стресс заставил меня забыть о прошлом. Я не помню свои мечты и желания. Конечно, в Бога я тогда верил, но и мысли становятся на дорогу к нему ко мне не приходило. Я жил книгами, потому что был глуп...

Во-вторых, мною двигало желание понять, что скрывается за цветным переплётом столь массивного источника знаний, куда писатель вдохнул свою душу, отдал своему произведению самую лучшую частичку самого себя, чтобы читатель потом собрал себя по маленьким кусочкам. Меридианы его глубокой души заложены в каждой строчке, в финале и в начале. Все писатели – альтруисты, бесконечно отдающие чтецам далеко не просто свою мысль и сюжет, ведь каждому свойственно трактовать произведение по-разному.

Я стоял на проходе, потому что замер в своих размышлениях и около меня проходило уйму народу, что несло за своими мечтами или сиюминутными хотелками. Что толку от них, обитателей человеиника? Замечает ли этот юный человек немую толпу, несущую в себе негодование и желание грызть глоткам другому, лишь бы себе было хорошо...

Встреча с Косолапым до сих витала на задворках моей памяти. Я до сих пор помню, как Мишка что-то пытался сказать мне в спину, но я не слушал его. Интересно, он не перестал читать после того, как закончил институт?

Кажется, я на бесконечность лет останусь в одиночестве, в ожидании Господней милости, если не сяду на скамейку рядом с тем парней. Ему явно не понравится, что я вытаску того из прострации, в которой есть только он и автор, что несёт его по строкам своего необъятного мира. Собственно, когда меня волновали желания жителей человеиника, что так рьяно отвергают существования Бога. Одна половина думает, что его нет, а другая половина является слепыми «верующими», что противоречат самим себе. Они называли себя рабами божьими; так в чём же проблема положить всё к ногам Господней и ждать его милости, коль она придёт к ним?

Перед тем, как приземлиться на скамью, я спросил у парня:

– Библию читаешь?

Кажется, этот орлёнок едва поступил в универ. Длинные волосы парня говорят о замкнутости в себе обычно. Как оказалась, у пацана таковая присутствует. Ну, так-то вся одежда чистая. Куртка тёплая, скрывающая под собой белую рубашку. Неужели школьник... Школа чем не муравейник, скажите мне на милость. Чёрт возьми, да как он смог обрести счастье в это проклятом мире?

– Нет, фантастику, – ответил он, когда я усаживался рядом с ним. Свой чёрный портфель, что так и давил своими лямками на мои больные ключицы, я поставил на пол. – Стивена Кинга.

Немногословным парень оказался. Писателя я не знаю такого.

– Ну читай-читай, – сказал ему я.

Мне более чем прекрасно было видно, что незнакомец не заинтересован в разговоре со мной. До крайности понятно, что молокосос не понимает меня. Поймёт он, если только послушает и поверит мне или же проживёт без крыши над головой около восьми лет, веруя в яркую небыль.

– Ты молодец, что читаешь, – всё-таки сказал я ему. – Помню в молодости тоже читал. Знаешь, русские писатели пишут гораздо лучше иностранных.

– Да, – удивительно, но он охотно ответил на мои некомпетентные высказывания. – Мне нравится русские писатели и зарубежные.

Виду меня был лихорадочным, а у парня очень энергичным. Не знаю с какой стороны моего нутра продолжился этот странный диалог двух персон на разных высотах.

– Беляев замечательный писатель, – вспомнил я. – Это же надо так писать, что все образы, будто настоящие. – (Интересно, ему понятно, что я говорю. Голос у меня слабоват и хрипловат).

– Да-да, – уже трижды повторил парень, согласно кивая на все мои рассуждения, – я читал Беляева. Замечательный писать. Особенно роман «Человек-амфибия»...

– Нет, – перебил его я. – «Человек-амфибия» – хорошо конечно. Вот только нереально всё это. Развлечение с хорошим описанием – да и только. Он писал про то, что происходило наяву с элементами фантастики. И как люди вообще посмели поставить его рядом с Стругацкими?

Удивительно, что малолетка внимательно слушал мои слова, глядя в мои глаза. Кого видел он во мне? Я всегда побеждаю в споре, потому что у людей не хватает времени проводить дебаты с бездомным. Внимательность и интерес в карих глазах меня поразил.

Внезапно меня пробивает током, что я чуть не вздрогнул за местом. Меня будто окотило с ведра ледяной водой, а волосы едва не поднялись дыбом. Точь-в-точь такие же глаза были у Машки, когда я пригласил ту на свидание.

Я хорошо помню тот весенний вечер, когда, между нами, с ней бурлило счастье и благополучие. Господь посылал мне подарки, чтобы потом у меня хватило силы воли сложить всё к ногам его, выходя из человеканика. Пожалуй, уж слишком сильный был хлопок той дверью. На восемь бесконечных лет затянулись мои поиски, что я провёл здесь.

Но какие же были красивые карие глаза...

Глава 3. «Ледяные губы»

На выпускном было не так, как нам хотелось. Вроде всё пошло по плану, но настроения не было у моих бывших одноклассников. Наверное, всё испортил этот ужасный летний дождь, ломающий привычные законы природы. Летом обычно жарко, а тут ледяной капли намочили мой костюм. Мы с Машей заказали такси, не встретив закат вместе с остальными. Всё-таки выдержать столь напряжённую атмосферу было до боли тяжело.

Никакой дождь не сможет смыть во мне желание поцеловать рубиновые губы. Я знал, что оденет Маша подаренное мной калье. В моей памяти до сих остался апрельская ночь, проведённая с ней на балконе. Казалось, звёзды и луна светили тогда только для нас. Она прижилась ко мне всей своей пышной грудью, и я смог ощутить вкус счастья, что обитал на её губах. Первый наш с ней поцелуй запомнится мне на века.

После той ночи, у нас больше с ней не было таких страстных поцелуев. Порой после школы или во время вечерних гуляний, она с хитрой улыбкой целовала меня в щёки или краешки моих губ, но это было несерьёзно для меня.

Я дал не только себе обещание поцеловать Машу на выпускном, тоже самое я сказал своему младшему брату, который уже окончил восьмой класс. Стоя у шифоньера с зеркалом, я поправлял рукав своей рубашки и рассказывал юнцу о своих планах. Мы даже решили побиться об заклад, но не серьёзно конечно же. Однако, даже в шуточном споре мне проигрывать неохота, поскольку мой брат довольно энергичный парень. Ему только дай повод для шуток и стёба, как тот начнёт из-за своей зависти подкалывать меня. Что взять с молодого?

Таксист выключил музыку в салоне по моей просьбе. Маша, что лежала на моём плече, щекоча ключицы и шею своими каштановыми волосами услышала мой голос и очень мило улыбнулась.

– Хитрюшка, – шепнул ей на ухо я. – Ты не спишь.

Я слишком низко наклонился к её прикрытому кроном волос ушку, отчего её кожа покрылась мурашками. Я едва заметил это.

– Ди-и-им, я устала, – жалобно простонала девушка. – Когда мы уже приедем?

– Потерпи чуть-чуть, Маш.

Она оживилась, кинула на меня свой взгляд, в котором, как всегда, горел озорной огонь, присущий только ей одной. Ни в одной девушке я не наблюдал то, что было у моей Маши. Этот блеск в карих глазах что-то мог значить. Наверное, ей всегда было весело, ведь по глазам же можно прочитать человека. Мне она говорила, что мои глаза всегда печальный и обращены куда-то ввысь. В будущем я понял, что она имела ввиду. Только Маша Токарева умела читать между строк. Только она видела и знала меня настоящего.

– Закат уже прошёл, – забеспокоилась она. – Давай встретим его вместе? Только ты и я. Больше никто нам не нужен.

– Ну конечно, встретим обязательно. Только не притворяйся спящей.

Снова хитрый, до боли знакомый мне взгляд. Как же прекрасны эти распущенные волосы, коими я не мог любоваться, когда те заплетены в хвост или в косу. Теперь они так мило рассыпаются по белому личику. Никогда не думал, что меня будет так сильно влечь родинка на верхней губе, прямо под носом. Что я в ней нашёл такое? Помню Маша говорила, что она лишняя, её хорошо бы закрасить пудрой или вообще удалить. Я тогда взял девушку за руку и бросил холодный взгляд, проговорив строго: «Не вздумай, солнце моё».

Она обняла меня и больше не задумывалась о удалении того, что я в ней так обожал. Действительно, она жила для меня, а я для неё.

– Мне так нравится спать на твоём мужественном плече, – она потрогала действительно широкую кость плечевого сустава. Я долго потел в зале, чтобы сделать по-настоящему крупными дельтовидные мышцы. – Когда ты собираешься побриться?

– Вообще-то я брился неделю назад, – запротестовал я.

– Ты колючий, – заметила девушка и провела рукой по лёгкой щетине на моих щеках. Ей никогда не нравилась растительность на лице. Её мнения я не разделял. – Как мне теперь тебя целовать?

– А почему нужно обязательно целовать меня в щёку?

Она смутилась.

– Дим... Не здесь же...

Я посмотрел на таксиста. Тот сперва глядел на нас в зеркало, а потом убрал взгляд. Действительно неприятно, когда лишние лица смотрят на любовные нежности. Но что поделать?

– Машенька, – с нежностью обратился я к ней. – Родители будут допоздна на работе. Дом в нашем с тобой распоряжении до шести утра. Как ты на это смотришь?

– А что мы будем с тобой делать?

Тут уже я начал смущаться и неловко улыбаться. Ответ пришёл ко мне в голову не сразу.

– Проводить остаток выпускного.

Маша рассмеялась, упала ко мне на плечо и прикрыла глаза в счастливой улыбке. Таксист тоже улыбнулся, отчего мне стало очень приятно на душе. Это будет мой самый счастливый вечер. Сегодняшняя ночь будет многообещающей. Я знаю, что произойдёт дальше, и Маша знает. Теперь всё моё нутро заывает таксиста ускориться, чтобы прямо сейчас мы с ней оказались дома.

Проезжая мимо церкви, я перекрестился три раза во имя отца и сына святого духа. С безмолвными губами я прочёл молитву, на что Маша испепелила меня взглядом. Будучи атеисткой, она не знала, что позже я выберу жизнь аскета, когда начну всё глубже и глубже погружаться в религиозные исповедания.

Хотя, мне иногда кажется, она знала к чему приведёт моя вера в Бога и моё серьёзное отношение к религии.

Машина подъехала к дому. По-моему, именно тогда, нам назло начался дождь, плавно переходящий в ливень. Сняв свой чёрный пиджак, я накинул его на Машу, потом долго-долго мне пришлось открывать чёртову калитку, чтобы ввалиться во двор и сразу забежать вместе с ней под крыльцо.

Наш частный дом просто бурлил различным хозяйством, находился он на краю города. Маше так он понравился, что она решила часто заходить ко мне, дабы я ей показывал наш огород и скотину, которую мы держали в загоне.

Когда я был совсем маленький, отец меня водил по двору и говорил, что вскоре всё станет моё и я буду контролировать всё наше имущество и следить за домом. Я тогда удивлялся и думал, как же я за всем этим присмотрю один. Но папа в те моменты говорил, что любой мужчина должен уметь взять всё на себя. Он сказал, что мне самому понравится быть хозяином своей жизни. В будущем я осознанно выбрал своей путь именно потому, что отец научил меня чётко принимать решение и ставить перед собой цели.

С отцом отношения мои всегда были очень тёплые. Мама ушла от отца, когда мне было восемь. Я очень плохо её помню, ибо с ней уже отношения у меня были натянуты. Мой батя часто водил в дом других женщин, что в юношеском возрасте меня крайне бесило, а потом я начал относиться к этому, как к должному. Правда, мне до сих пор непонятно, как отец мог распалиться на такое большое количество девушек. Мне кажется, я всегда любил только одну – только Машу, а другими девушками я заполнял те пустоты, где должна быть она. У нас даже созвездие было одно.

Никогда и никому непонять насколько сильна была моя тяга к ней. Я мог прожить её жизнь, а она мою, ничего не меняв в них. Мы мыслили одинаково, словно находились на другой частоте от мира. На той частоте, где существуем только мы с ней. Иногда на свидании мы оба печально вздыхали, смотрели на друг друга и улыбались. «Как же скорбно, что другие люди не понимают нас и не ставят всерьёз нашу сильную любовь», – думали мы.

Она весело завизжала, вбегая во двор. Я побежал за ней не менее весело. Почему-то она побежала мимо крыльца, вглубь нашего двора. Сперва я не понял её, но потом до меня дошло куда она собирается. Она непременно мчится к нашему с ней любимому месту.

Так уж получилось, что за нашим двором находится поле, к которому у нас есть выход через дыру в заборе. Поле то заброшено – на нём давно никто не вспахивает землю. Непонятно кому принадлежат эти гектары, да и не имеет значения. Я знаю, что Маша бежит смотреть на закат, сидя на скамейке, которую в посадке среди деревьев сделал мой отец. Но она сядет не на скамейку, а прыгнет на качели. Их уже сделал я с моими друзьями, чтобы катать на них девчонок. Прошло много времени с тех юношеских лет. Мне уже скоро исполняется девятнадцать, а Маше восемнадцать. На эти места ходим мы с нею, потому что они находятся вблизи к моему дому, а пацаны с нашего двора уже взрослые.

– Дима! Закат начинается, гляди быстрее!

– Маша! – Кричу ей я вслед, наблюдая как та весело прыгает на качели и набирает разгон своими ногами. – Ну куда ты босиком! Заболеешь, Маша! Прекрати, вернись домой!

Я даже не заметил, как та сняла каблуки, испачкав свои ноги в грязи под ногами. Она осталась в своём летнем платье фиолетового цвета и в капроновых колготках.

– Дим, ну перестань. Посмотри, как красиво лучше! Чего ты ворчишь?

Я подошёл к качелям и сел рядом с ней, прижав к себе мокрое тело. Она замёрзла, но не подавала виду, чтобы я не начал ругаться. Её волосы стали темнее от воды, а мои блондинистые совсем поникли. Она запустила в них руку, зачесав те набок.

– Мой светловолосый рыцарь! – Восхитилась Маша, засмеявшись. – Как же чудесен именно сегодня закат! Ведь мы закончили школу и идём во взрослую жизнь вместе. Я не могу поверить, что мы вместе, Дим...

– Любишь ты всё романтизировать, солнце моё. Закат каждый день бывает.

– И он прекрасен каждый день. Каждый день наступает рассвет, и мы живём, празднуя бесконечную жизнь. – Она была зачарована заходящим солнцем, что ложилось за кроны деревьев. – Посмотри, как же оно красиво...

Дождь мешал мне полностью отдаться зрелищу. Весь мой костюм промок насквозь. Капли воды всё текли по моему лицу, сползая на шею. А закат был просто волшебным: диск огненного солнца красил своим светом округу, ложась спать за торчащие в небо копы деревьев. Чтобы выйти на востоке оно ложилась на западе снова и снова. Целеустремлённости этой замечательной звезды можно было очень подивиться. День за днём можно наблюдать за одним зрелищем – за огромной звездой, что околдовывает своим светом миллиарды людей. Каждый видит это потрясающе красивые лучи пекла и ослепляющий свет, сулящий о божественной силы великого шара, подаривший нам жизнь и возможность любить. Наверное, солнце – и есть Бог, которому мы должны поклоняться и отдать ему всю жизнь.

Взявшись за подбородок Маши, я пытался повернуть её лицо ко мне, чтобы в столь трогательный момент поцеловать её, но она упорно отказывалась, глядя на солнце.

– У тебя, Маша, одно солнце, – заметил я. – А у меня три.

Она удивилась, окинув меня своим взором.

– Вот ещё два, – сказал я про неё глаза. – И те, и те дарят мне жизнь. Я хочу посвятить тебе стихи.

Меня пробило током, но уже не из-за холода и сырости, который проник в меня до мозга и костей. Она смотрела на меня с тем самым волнением, на которых смотрела на солнце. Навер-

ное, человек, попадающий на небеса тем же самым взглядом смотрит на всевышнего, с вождением ожидая от него слов.

Твоё сердце нужно мне...
За него я всё отдам.
Я не вижу мир во вне;
Если есть мир – то только в тебе.
Пусть кругом будет раздор;
Мы с тобой уйдём туда,
Где есть только тишина,
Где есть только мы с тобой.
Давай скорей уйдём.
Пусть небеса мне дадут сил,
Чтобы я сказал тебе:
Маша, я тебя всю жизнь любил.

У замороженной девушки остановилось сердцебиение, а глаза стали стеклянными, но далеко не от капель дождя, что стекали по её черным, словно ночь ресницам. К слову, туш у неё потекла. По скулам начали катиться слёзы, она плакала совсем без звука и затих ветер, перестал стучать о листья ливень, чтобы не мешать нам. Никто не смел нарушить звук наших душ, что пели в унисон песнь любви.

Я навсегда запомню вкус её ледяных губ. Маша, ну почему они такие холодные? Я не мог отпрянуть, хотя онемел весь от холода, что источали они. Солнце не согрело их, ибо оно уже ушло за деревья. Узор тьмы начал нисходить на мир, но не на наш. В нашем мире светило собственное солнце. Там было два солнца, которые заходили лишь когда она отводила свой взгляд.

А она смотрела на меня, лёжа на постели. Там она ощущала судороги удовольствия, которые я ей приносил. Мы хотели выпить шампанского в честь выпускного, но позже опустили эту идею.

Двое нагих любовников после того, как отошли от страсти сидели за столом, укутавшись в пледы и пили чай. Я очень много рассказывал Маше забавных историй, та в свою очередь смеялась. Порой мы целовались с ней и шутили вместе. Помнится, мы даже пели с ней «Ласковый май» и «Белая ночь». Потом я включил на отцовском магнитофоне вальс, и мы с ней танцевали. Я двигался очень нелепо, отчего та смеялась и показывала мне как правильно двигаться в такт музыки.

Маша хотела спать, но я ей не давал, ибо в шесть часов утра вернётся отец. Конечно, тот задержится и скорее всего надолго. Он сказал, что заедет по каким-то делам. Под словом «дела», он подразумевал собой напиться, чтобы забыться. Мой брат остался ночевать у своего друга. Долго он упрашивал отца отпустить его. Я помог ему убедить папу, чтобы остаться с Машей вдвоём.

– Маша, а как ты думаешь, чем наши родители занимаются? – Из любопытства спросил у неё я.

– Дим, – внезапно стала серьёзной она. – У них серьёзных разговор.

– Что? У наших родителей?

– А ты не знаешь разве? – Удивилась она. – Ой.

– Мой отец с твоим?

– Ну... Я знаю, что у них сегодня в семь важная встреча...

Глава 4. «Важная встреча»

– Семилетней выдержки, Владимир Альбертови

ч! – Сказал Геннадий Васильевич, разворачивая коньяк этикеткой к гостю. – Армянский! Специально для вас его готовил.

– Не слишком ли велика честь, Геннадий... – Вот чёрт! Опять Владимир Альбертович позабыл имя будущей жены своего сына. Что за напасть-то такая?! – Извините...

– Васильевич.

– Да, точно. Прошу прощения. На старости лет возникают проблемы с памятью. Спасибо за предложение, но я уже давно не пью. У меня большая проблема с поджелудочной железой.

– Обижаете, Владимир Альбертович! Вы это говорите без пяти минут главному врачу Краснодарского диагностического центра. Токаревы – династия врачей. Это нужно знать. Можно вас величать по имени и на «ты»? Мне гораздо будет приятнее, если отец моего сына станет звать меня просто Геной. Как вы на это смотрите?

«Знаем мы, что вы голубых кровей, – подумал Владимир Альбертович, что позже станет просто Володей. – Мы и сами с усами, но историю фамилии я, пожалуй, ведать не буду. Ни одной иконы в доме. Неужто сын атеистов полюбил. Вот балбес!».

Вот только хрен этому врачу спойть меня удастся. Блаженные просто так не сдаются! Как бы ужасно это не звучало. Даровал же Господь фамилию! Прямо в церковь с такой подавай, блин!

– Тогда Гена, зови меня просто Володей.

– Отлично Володя, – он стал разливать коньяк в рюмки из дорогого сервиса. – Так вот... О чём это я? А, вы должно быть не знаете, что хороший коньяк просто восхитительно влияет на работу лимфатической системы? Ещё он, как и красное вино расширяет сосуды, что называется на чистоте вашей крови. Ну, и, если надо снять стресс или быстро уснуть – вот вас отличное средство, Володя.

Он прочистил горло, глядя на рюмку, но всё-таки вопреки собственным взялся за неё и заставил себя улыбнуться.

– За детей, Володя?

– За детей, – согласился тот.

Они ударились рюмками и опустошили их. В качестве закуски Гена предложил Володе кусочек лимона, но тот вежливо отказался жестом руки. Гена же всё-таки укусил краешек. Сервис, как и сам стол был явно дорогой. Бедностью явно эта семья не страдала. Взгляд Володи прилип к гобеленам на стенах. Гена – из проницательных мужиков, тот сразу заметил его внимание.

– Нравится обстановка? Этот дом построил мой дед, погибший в блокаде Ленинграда. Может за тех, кого с нами нет повторим?

Трудно отказываться пить, когда звучит такой тост, особенно после сильных слов о погибшем во время ужасной войны деда. Володя кивнул.

– Так он людей лечил во время блокады?

– Ага, – наполняя коньяком рюмку согласился Гена. – В госпитале врачом был. По итогу от голода ослаб сначала, до бомбоубежища добежать не смог – так и умер.

Не чокаясь, они опрокинули в себя напиток. Володя поморщился. В этот раз коньяк совсем не пошёл в горло, обжёг язык и застрял где-то в пищеводе. В этот раз Володя всё-таки решил попробовать лимон.

Кислый сок потёк по его чёрной бороде. Светлые волосы достались его сыну по матери. Из-за этого, отец всегда водил сына к цирюльнику, дабы не глядеть на этот ужасный цвет. «Жена Володи была ужасной женщиной», – так он говорил своему сыну и всех, кто спрашивал

его о ней. Поэтому он просто терпеть не мог волосы своего сына. Даже перекрасить их он хотел, но это было бы слишком. Всё своего детство Дима провёл почти под единичку лысым. Сейчас Володя уже смирился с цветом волос.

Маша была точной копией своего отца. Увидев на фотографиях молодого Гену в белом халате, Володя на минуту даже подумал, что это коротко подстриженная девушка его сына. Отцы оба засмеялись, когда Володя сказал это вслух. Сейчас же Гена постарел, вошёл в тело. У него появилось пузо. Каштановые волосы выцвели, стали очень хрупкими и не укладывались в нормальную причёску. На глазах его постоянно находятся очки. Лицо тоже заплыло слоем жира. Теперь Гена едва похож на свою молодую дочку с очень миловидными чертами лица, шикарными волосами и идеальным женственным телом.

– Володя, я человек деловой. Давай сразу поставим все точки над «и». Договорились?
Собеседник кивнул.

– Как видишь по обстановке дома, наша семья принадлежит очень благородному роду, очень богатому и сильному...

– Мы тоже бедностью не страдаем, – вставил Володя, будучи обиженными словами отца Маши. – Не голодуем по крайней мере и умеем руками и головой работать.

– Володя-я, прекрати перебивать! Ты сбиваешь с мысли.

– Хорошо.

– Но всё это богатство – ничто по сравнению с моей кровинушкой. Машу свою я назвал в честь бабушки, которая погибла в девяносто два года. Блокаду она пережила, как ты понимаешь.

Володя только кивнул, устремив взгляд куда-то в сторону. Обстановка была не из самых приятных. Гена наверняка решил набить себе цену. Впрочем, отец Димы прекрасно знал на что идёт. Ему было крайне неприятно иметь дело с людьми, ставившими себя выше других из-за своего финансового положения.

– Твоя фамилия очень необычная, – с интересом отметил Гена. – Блаженный...

Володя снова кивнул. Наверное, у него заболит шея к концу встречи.

– Очень редкая украинская фамилия.

– Украинская?

– Да, а есть сомнения?

– Нет, что вы, – отмахнулся Геннадий Васильевич. – Самое главное, что славянская. Хотя у меня нет никаких предрассудков по поводу национальных принадлежностей. Мне, в сущности, наплевать с каким слоем относится муж моей дочери. Мне просто нужно, чтобы она была счастлива. Тем более, ваш сын очень неплохой мальчик!

– Дима будет очень хорошим мужем вашей... твоей дочери.

– А вы знаете, я вам верю! Но... – Гена начал разливать коньяк.

– Говорят, всё, что было сказано до «но» не считается.

Они оба усмехнулись.

– Но, – продолжил Гена, – доверяй, но проверяй! Слышали такое?

– Стало быть, вы решили что-то проверить?

Они оба взяли рюмки. Атмосфера между ними достигла пика накаливания. Дмитрий Геннадьевич не знал, как в рамках приличия объяснить тому свои опасения. У него в голове витали только мысли о запугивании или шантаже. Во всяком случае, такие методы постоянно работали. Простые предупреждения в большинстве случаев венчаются не успехом, а, если предупредить человека удалось – скорее всего он сам это воспринял как шантаж.

Однако у них беседа очень культурная, почти на равных. Как Володя может воспринять его слова? Вспыльчивостью отец Димы не обладал. На его лице такой же холод, как на губах Машки Токаревой. В случае, резких высказываний скорее всего, он с таким же лицом приступит к действиям или ещё больше резким высказываниям. Раз в столетие свершаются такие

моменты, когда два непоколебимо сильных человека встречаются между собой и думают, как поближе подступиться друг к другу.

– Будь вы на моём месте, не поступили бы вы также?

Владимир Альбертович улыбнулся. Неожиданно они оба начали переходить на «вы».

– Я не на вашем месте, Геннадий. Тем более, не имею ни малейшего предположения, как вы собираетесь поступить в этой вполне естественной и даже можно сказать, обыденной ситуации.

– У вас была дочь, Владимир?

– Нет, у меня двое сыновей.

– А у меня одна дочь. Всего одна, понимаете? Больше никого на этом свете у меня нет.

– Так вы беспокоитесь за неё? – Будто удивился Владимир Альбертович.

– Беспокоюсь? Вы глумитесь надо мной, – (Владимир отрицательно замахал головой, положив руку на сердце) – Вам должно быть, кажется, что дочь, которую ты сделал, держал на руках, пеленал, кормил, работал день и ночь, чтобы та ни в чём не нуждалась, которую ты воспитал легко отдать совершенно другому мужчине?!

– Вы не отдаёте её, Геннадий Васильевич. Не стоит так сильно переживать за Машу. Она сама сделала выбор...

– Вот именно сама, Володя, – нервно перебил Гена. – Сама, понимаешь? Посоветоваться с отцом не бывает?

– Твои слова звучат обидно, Гена. Мне начинает казаться, что дела в фамилии.

– Нет, Владимир Альбертович. Фамилия тут совершенно не причём. Пусть будет Марией Блаженной. Главное, чтобы твой сын не обижал её.

Отцу Машки, Геннадию Токареву не хватает прямолинейности. Володя мог часами напролёт гадать: что же конкретно не нравится этому до мозга и костей врачу? Оказалось, он банально беспокоится за здоровье своей кровинушки. Вполне логично и правильно с его стороны, хоть Владимир Альбертович не до конца понимает с каких это пор его сын может вызвать у Геннадия такие подозрения...

– То бишь вы сомневаетесь в адекватности моего сына?

– Нет-нет. Почему вы всё принимаете, как оскорбления? Неужто в вашем представлении, я такой тиран и ирод, желающий разрушить счастье вашего сына и моей дочери?

– Нет, Геннадий Васильевич, я вовсе...

– Ну тогда слушайте внимательно, Владимир Альбертович. Кто вы по образованию, позвольте?

– Это неважно, – сухо ответил Володя, поёрзав на стуле. Он даже опустил глаза в пол, ибо вопрос был крайне неудобен.

– Вашу профессию мы прекрасно знаем. А вот образование ваше... Вернее, твоё, мне увы, не известно. Но не хотите, как хотите. – Он поднял рюмку, поднял её и взял в руки лимон. – Я знаю, что вы художник, Владимир Альбертович.

– Ну скажите тоже... – Засмутился Володя. – Продаю свои картины, да занимаюсь хозяйством.

– Перестаньте! Вы создаёте искусство! Так давайте же выпьем за него в конце-то концов!

Снова пустые стаканы, закуска и аналогичное лёгкое алкогольное опьянение. Володе стало невыносимо жарко. Чтобы не вонять потом, он снял с себя пиджак, оставшись в одной красной рубашке.

– Так как моя профессия относится к нашему делу, Геннадий Васильевич, – поинтересовался он.

– Да очень просто, – Гена икнул, начал говорить уже не так разборчиво. Кажется, коньяк ударил его гораздо сильнее, чем Володьку. – Художники, писатели, поэты, скульпторы – все творцы в общем и целом; они находятся вдалеке, согласитесь. Их трудно заставить призем-

литься, чтобы жить в нашем мире. Они смотрят на обыденные вещи со стороны, с того угла, где никого нет.

Владимир Альбертович не знал даже за что принять слова Токарева. То ли это – похвала, то ли замечание. Сложно понять смысл его сетований.

– Мне кажется, вы слишком сильно завываете тех, кто занимается искусством.

– Не в ком случае, Володя, – строго отрезал Гена. – Вот я врач. Я спасаю жизни. Факт?

– Факт.

– А ты, Володя, – он подвинул своё кресло ближе к столу и потряс Володю за плечо. – Ты создатель искусства, творения, словно Бог!

Хоть Володя и не отличался сильной застенчивостью, слова Геннадий вгоняли его в краску.

– Бросьте, ну какой же я Бог? Бог всемогущий, он создал людей и...

– Нет, Владимир Альбертович. Я не собираюсь льстить тебе, а просто констатирую факт. Все профессии важны. Вот кто сильнее кузнецы или воины?

Владимир усмехнулся.

– Глупый вопрос. Конечно же воины. Воины умеют сражаться, они для этого и живут.

– А вот и неверно. Ежели же скажем, воин без стального меча пойдёт сражаться с кузнецом, у которого в руках молот и выкованный меч – кто победит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.